

Нет такой партии или есть?

Главный политтехнолог КПРФ Сергей Обухов — об уходе протестного электората, границах политических договоренностей. И о том, «кто, если не Путин?»

Фото: Юрий Мартьянов / Коммерсантъ

13:48, 4 июля 2024,

Валерия Федоренко

собкор «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Начало нового политического цикла для российских партий (кроме одной) ознаменовалось полным фиаско. На проценты кандидатов в президенты, как, впрочем, и на некоторых «как будто оппозиционных» кандидатов, без слез не взглянешь. Что дальше – большой вопрос. Не понятно даже, нужны ли вообще партии.

Фактически происходящее больше всего ударило по КПРФ, которая в 2021 году была уже не просто «второй политической силой в стране», а кое-где уверенно выходила по всем опросам и результатам выборов на первое место. Ушел разочаровавшийся избиратель, ультрапатриоты сплотились вокруг власти, а кто не ходил на выборы, тот и не ходит. До известных событий аккумулировавшая протестный электорат в крупных городах партия встала перед серьезным вызовом.

«Одна из тактических целей: в условиях специальной военной операции, реальных ограничений оппозиционной политической деятельности – сохранить структуру и создать возможности для дальнейшей легальной активной работы партии», – считает доктор политических наук, член президиума, секретарь ЦК КПРФ, депутат Госдумы и один из основателей Центра исследований политической культуры России Сергей ОБУХОВ. А вот уход протестного электората – это не так страшно, уверен собеседник «Новой»: люди оглянутся и поймут, кто тут настоящая оппозиция.

Политтехнолог Обухов, кое-где «социалистическим», а иногда эзоповым языком, отвечает на вопросы «Новой».

СПРАВКА «НОВОЙ»

Обухов Сергей Павлович. Член президиума, секретарь ЦК КПРФ. Депутат Государственной думы. Один из основателей Центра исследований политической культуры России. Доктор политических наук, специалист в области общественно-политических процессов и кризисных ситуаций в странах Восточной, Центральной Европы и России, ведения избирательных кампаний, изучения общественного мнения.

Сергей Обухов на пленарном заседании Государственной думы РФ. Фото: Марат Абулхатин / Пресс-служба Госдумы РФ / ТАСС

Специальная выборная операция

— **Итоги президентских выборов неутешительны. Харитонов — объективно плохой кандидат [от КПРФ]. Слуцкий [от ЛДПР] — и того хуже. Даванков [«Новые люди»] — тоже плох. А хорошие-то где?**

— Вы это зря! Харитонов был замечательным кандидатом!

— **В каком году? В 2004-м?**

— И в 2004-м, и в 2024-м. Просто выборы 2004 и 2024 года — это разные выборы. В 2004 году Владимир Владимирович [Путин] был на пике популярности, в определенной степени существовал консенсус по поводу того, что он справился со своим первым сроком, а второй срок — завершающий, и надо дать ему возможность этот этап пройти. Оппонировать ему удалось только Харитонову, ни Глазьеву, ни Хакамаде с Мироновым это не удалось.

В 2024-м ситуация совершенно иная. Это — выборы Верховного главнокомандующего в условиях военных действий. Поэтому, как вы понимаете, никаких выборов в прежнем понимании быть не могло.

Кому-то удобнее называть это референдумом. Кому-то — назначением с элементами голосования. Но мы все понимаем, что это не обычные выборы, а специальная выборная операция в условиях гибридной войны против России!

Зачем же нужны были такие выборы? Мы это видим сейчас по вбросам и международным обсуждениям нелегитимности Зеленского в Киеве: выборов не было, он не легитимен как

президент, не может подписывать мирный договор...

— Вижу, как эту дискуссию в Российской Федерации разгоняют в основном кремлевские пропагандисты, поскольку де-юре (да и де-факто) с отсутствием выборов на Украине в условиях военного положения все более или менее ясно.

— Нет, она идет далеко не только в Российской Федерации и имеет международный характер. В дальнейшем этот вопрос будет стоять все более остро, потому что власть, повторюсь, должна восприниматься как легитимная. И при всех изначальных разговорах о том, что Запад не признает итоги выборов в России, — Запад де-факто их признал. Это в условиях глобального противостояния дорогого стоит. Я бы на этом закрыл тему об итогах минувшего электорального мероприятия. Добавлю только, что Путин в рамках этих выборов решал свои задачи, КПРФ — свои.

— Какие?

— Любая партия помимо агитации за кандидатов должна заниматься пропагандой. Мы вовсю использовали государственные ресурсы для пропаганды своей позиции и программы. Когда мы начинали агитацию, антикапиталистический лозунг Харитонова одобряли около 15% опрошенных — закончили мы по социологии (даже не нашей!) с 40 процентами одобрения и внимания к лозунгу. Это очень хороший результат.

По сути дела, за государственный счет мы не просто внесли в общество антикапиталистическую риторику, но поставили вопрос: куда развиваться стране? Все скажут: социализм, капитализм — это же большая абстракция. Но за этой абстракцией стоит выбор образа будущего. И никуда от этого не деться, в том числе, партии власти. Она вынуждена

откликаться на нашу риторику: если помните, Владимир Владимирович уже объявлял, что капитализм себя исчерпал. Глава Министерства развития Дальнего Востока и Арктики Алексей Чекунков заявил, что в России пришло время «патриотического социализма»! А насмотревшись картинок с визита Путина в КНДР и Вьетнам, даже правый спектр российской политики в лице философа Дугина стал говорить: «Давно бы так! Чучхе едет к чучхе».

Понятно, что это пропагандистский перебор. Ни о каком воплощении идей чучхе Путиным речи не идет. Сегодня в словах и делах Путина мы видим предельный прагматизм: он не хочет плевать против усиливающегося социалистического ветра.

Но, скажем так, он «рожден» в яром антикоммунистическом крыле наших спецслужб. Как политик формировался в питерской ультралиберальной среде Собчака, Чубайса, Кудрина. Эта первооснова, и либеральные мифы начала 90-х в нем живы, и он воспроизводит их и в своей риторике, и в политических решениях.

Я лично воспринимаю современную российскую власть как победившую Октябрь Февральскую революцию, наследников «февралистов». С одной стороны, допускаются красные знамена и социалистическая риторика, с другой — всепожирающая олигархия и угодный Западу либерализм. Правда, «февралисты» в 1917 году доказали свою несостоятельность, и после Февраля и фактически краха государственности, до которого довели либералы, была Октябрьская революция. Но посмотрим, как на

нынешнем этапе истории «февралисты» будут отвечать на вызовы, на которые не смогли ответить в 1917-м. А страна — перед теми же вызовами и перед угрозой потери государственности.

Ленин тоже занимался договоренностями

— А ведь тезисы про дихотомию «социализм-капитализм» и про исчерпавший себя капитализм — это действительно абстракция. Разве это главные проблемы России?

— Другие проблемы — частные от этой глобальной. Но вы посмотрите на бытовую риторику. Люди уже стали говорить про социализм и капитализм! Все продается, кругом продажность — а как же, на дворе капитализм! Государство не помогает? А что вы ходите — уже не социализм!

Очень много перед людьми сейчас стоит вопросов — банально — выживания. И за ними социализм и капитализм действительно кажутся абстракцией. Однако любая политическая партия, которая стремится к власти и говорит о проекте будущего, обязана редуцировать общефедеральную абстрактную повестку в конкретные политические действия. Антиолигархическая риторика КПРФ — прямая производная от наших целей. Так же как и борьба против тотальной приватизации. Антипод приватизации — национализация, это тоже мера из арсенала буржуазной политики, — но она, по крайней мере, позволит нормализовать общественные отношения и является ступенью для перехода к социалистическим отношениям.

Фото: соцсети

Мы понимаем, что просто говорить с людьми на местном уровне про капитализм и социализм — непродуктивно. Но в общей пропаганде людям надо указывать на корень всех бед. Россия отказалась от советского проекта, более 30 лет назад поставив примат капитала над трудом, — а мы предлагаем по-другому, чтобы труд и его интересы были главными в обществе.

Это важно в свете того, что в России тридцать лет отрицали проект СССР и реализовывали проект вхождения России в Запад, пусть даже на задворки, на правах безгласной периферии, а теперь этот план провалился. И перед всеми стоят вопросы: «Что дальше? Кто мы? Куда идем?»

— КПРФ, ЛДПР, другие партии на данном этапе действительно борются за власть? Или скорее занимаются политическими договоренностями? Где границы этих договоренностей? На 5%, на 4% или на 3% (чтобы не потерять финансирование)?

— Владимир Ильич Ленин тоже занимался политическими договоренностями. Если мы вспомним, после корниловского мятежа в августе 1917 года Ленин де-факто договорился с Керенским, и они вместе воюют против Корнилова, его мятежа. Благодаря этому и произошла осенью большевизация Советов в крупных городах, что позволило перетянуть власть от Временного правительства к Советам, ранее не желавшим ее брать. Весь вопрос в том, какие цели перед тобой во всевозможных договоренностях, видишь ли ты за ними перспективу, или они сиюминутны, конъюнктурны?

Одна из тактических целей КПРФ сегодня: в условиях специальной военной операции, реальных ограничений оппозиционной политической деятельности — сохранить структуру и создать возможности для дальнейшей легальной активной работы партии.

Кто здесь оппозиция?

— КПРФ сегодня — партия пожилых. Еще несколько лет назад до СВО, до репрессивных законов КПРФ аккумулировала голоса молодых протестно настроенных граждан. Сейчас коммунисты не просто голосуют «за все это», но еще и с трибуны клеймят уехавших и противников СВО чуть ли не врагами России.

— Вы слышали такую риторику из уст КПРФ? Я не помню, чтобы кто-то из партийцев высказывался о том, что уехавшие граждане — это враги России. Лишних грехов на нас вешать не стоит.

Насчет молодежи в партии — я вот буквально недавно выступал перед партийным активом. И пришел в ужас! В зале одна молодежь! Где средний возраст? Где ветераны? В членской базе произошли настолько разительные перемены, что уже перед высшим руководством партии стоит настоящий вопрос: нужно искать и формировать адекватный их восприятию политический язык для общения с молодым партактивом. За этим потянется, думаю, и омоложение электората. Хотя, конечно, никуда и возрастной актив не денется и не денется.

В 1990-е годы такая риторика царила: мол, скоро все сторонники коммунизма вымрут. Об этом любил говаривать Чубайс. Где Чубайс? А сторонники КПРФ что-то все никак не вымрут...

Фото: соцсети

В любом случае, российское общество — это пожилое общество.

Средний возраст — уже 42 года. Вспомним Великую октябрьскую революцию, тогда средний возраст населения в Петрограде составлял 17–19 лет. Молодое общество с доминирующими молодыми, агрессивными, неустроенными безземельными мужчинами, которые прошли войну и имели опыт трех лет убийств, стрельбы по врагу и решения проблем силовым способом. Кстати, нечто подобное сейчас происходит в Средней Азии, в том же Таджикистане, прошедшем в 1990-е через кровавую гражданскую войну, унесшую жизни 200 тысяч человек. А бесконечные «цветные революции» в Киргизии, присылающей нам львиную долю мигрантов, они ведь тоже сказываются на моделях поведения этих людей здесь, в России.

Кстати, когда Путин говорит, что нельзя возрождать СССР 2.0, он повторяет основную мантру проекта «вхождения России в Европу». Тогда в части спецслужб и либерально ориентированной группе партийно-советского аппарата доминировало мнение: давайте избавимся от «балласта» национальных республик СССР, либерализируем экономику, сбросим имперские амбиции и все связанные с этим обременения от космоса, ВПК до армии — и будет Европа от Атлантики до Владивостока и наконец будем пить баварское пиво.

— Проводить исторические параллели — так себе занятие, но про ситуацию 1917 года звучит все равно нехорошо...

— Я к тому и веду. Конечно, сейчас ситуация не будет аналогичной той, что сложилась после Первой мировой войны. Хотя ситуация типа СВО уже была. В стране нечто подобное уже случалось и после кампании в Афганистане, и после двух войн в Чечне. Куда шли многие молодые мужчины после Афгана в период перестройки и реформ? В криминалитет, если помните. После Чечни социализация воевавших и их приспособление к мирной жизни тоже шла, скажем так, не всегда успешно.

Как будет сейчас? Специальная военная операция напрямую затрагивает уже около двух миллионов человек: мобилизованные военнослужащие, их ближайшие родственники. Пока для российского общества это не критическая масса. Власть пытается этот процесс контролировать. Создает фонды, привлекает волонтеров. Но вот даже небольшая «порция» бывших заключенных, вернувшихся после СВО в мирную жизнь, показывает: здесь далеко не все ладно, если посмотреть на эксцессы с возвратившимися на гражданку.

Да, после начала СВО городской протестный электорат действительно отошел от КПРФ. Только он ушел в никуда!

Да, часть попала к пресловутым «Новым людям». Но я думаю, что чем больше эта партия будет голосовать за кабинет министров, за бюджет, за антисоциальные основные законы, тем быстрее указанная часть избирателей поймет, что «Новые люди» — не оппозиция. Де-факто «Новые люди» вошли сейчас в Думу в правительственную коалицию с «Единой Россией» и ЛДПР. Как бы «Новые люди» ни показывали, что они «не за СВО», — так вы же за все параметры правительственной политики голосовали!

Или выходит Слуцкий и рассказывает, что ЛДПР — оппозиционная партия. Мне приходится с места ему кричать: «Леонид Эдуардович, какая вы оппозиционная партия, если вы голосуете за правительство и бюджет?» А он все равно! Плюй в глаза — божья роса. Чему вы оппозиционны? У вас даже министр есть в правительстве. Вы, по сути, несете ответственность за этот социально-политический курс, который мы критикуем.

Да, часть протестного электората мы потеряли. Но я уверен, что он никуда от нас не денется, так как только КПРФ «на земле» работает с протестной повесткой, защищает гражданские права и свободы, отстаивает интересы локальных сообществ. Люди это видят, и рано или поздно низовая протестная поддержка вернется.

Фото: Михаил Терещенко / ТАСС

Тут есть еще одна проблема. Нас пытаются поссорить с радикально-патриотическим избирательным корпусом. Вся эта полемика вокруг весьма спорной фигуры Ильина привела к тому, что часть радикальных патриотов стала требовать... запрета КПРФ. Из-за того, что они не согласны с нашей критикой части наследия Ильина.

— Так все нормальные люди критикуют Ильина. Потому что он фашист, например...

— Мы за этой риторикой видим более глубокий смысл. Да, когда мейнстримом официальной риторики было «долой красно-коричневых» и «патриотизм — это прибежище негодяев» — в тех условиях патриотические, геополитические воззрения Ильина были использованы левыми в полемике с либералами. Но сегодня, в условиях патриотического консенсуса, меня лично как политолога, как политика волнует — как бы модель, стоящая за корпоративистской риторикой Ильина, не была принята как основная для государственной политики в нашей стране. Это же франкистская модель устройства государства. А я не хотел бы, чтобы наше общество по ней строилось.

Если не Путин, то... Василиса Премудрая

— В России слишком большое значение, на мой взгляд, придается роли личности в политике. Одни твердят: «Путин — это Россия». Другие не видели альтернативы Навальному. Третьи цитируют Жириновского и считают его пророком. Совершенно точно СВО не может продолжаться вечно, и после нее надо будет что-то делать, что-то менять. В российских, так их назовем, патриотических кругах давно обсуждается вопрос: «Кто, если не Путин?» А и правда, кто?

— В России всегда была велика роль личности, и вокруг личности всегда концентрировались, скажем так, определенные проекты. Сейчас оппоненты Путина хотят заглянуть дальше текущего персоналистского режима. Вон Чубайс в Израиле проводит исследования постпутинского периода.

Заметим, что и раньше охранители всегда говорили: «Кто, если не [наш правитель]?» А потом история выдвигала на авансцену совершенно неожиданную личность, вокруг которой концентрировались чаяния народа.

Да, нынешнее «меню» политиков не во всем устраивает

общество. Наш Центр исследования политической культуры России уже давно проводит мониторинговые исследования: кто из героев русских былинных сказок лучше всего подошел бы на роль президента. Смотрим на востребованность национальных архетипов в политике. Вот уже несколько лет в опросах доминирует Илья Муромец. И не только потому, что он самый известный былинный герой! Кстати, Владимир Владимирович точно не несет в себе доминирующие черты этого архетипа. На втором месте — князь Владимир Красное Солнышко. И Владимир Владимирович опять же не совсем подходит под описание этого образа. Третье место долгое время занимал младший богатырь Алеша Попович: хитрован такой, Штирлиц немного — и вот под этот образ Путин уже больше подходит. Умный, хитрый, оказавшийся во власти и произведший перестройку. Но сейчас Алеша Попович опустился на четвертое место. И «подвинула» его — барабанная дробь — Василиса Премудрая.

Да-да, по мнению каждого шестого избирателя, Василиса Премудрая способна спасти Россию.

Запрос на женский образ в политике высок. Вспомните феномен Екатерины Дунцовой* — первоначальные опросы показывали, что она на втором месте после Путина сразу после ее выдвижения. Потом произошла редукция голосов: структуры, сформированные «под Дунцову», перешли к Борису Надеждину. А здесь уже произошла потеря четверти потенциального либерально-протестного электората. А когда произошла переполюсовка структур Надеждина на поддержку молодого «новолюда» Даванкова, они и вовсе все потеряли три четверти изначальных либеральных сторонников.

Фото: Андрей Любимов / РБК / ТАСС

Запрос на социальную справедливость

— КПРФ долгое время является единственной в классическом понимании партией в стране, если говорить не только о структуре, но и об идеологии, программе и истории создания. Даже «Единая Россия» — это не партия, а объединение людей вокруг лидера. Но может быть если партий, по сути, нет, то политической системе следует вообще уйти от этой формы? Работать в рамках гражданского общества?

— Весь мир стоит перед проблемой кризиса классических партий. Но при всех сложностях этих институций общество ничего нового не родило. Возникают право- или левопопулистские движения, появляются гибриды. «Правая» политика смешивается с «левыми» социально-экономическими предложениями — мы это видим на примере стран Евросоюза, от венгерского Орбана, польской партии «Право и

справедливость» до «Истинных финнов», французской партии Марин Ле Пен или итальянской дамы-правопопулистки [председателя итальянского кабмина] Джорджи Мелони. Но в любом случае — ничего лучше партийных структур пока не придумано.

Обратите внимание — даже такой изначально большой противник партийных структур, как Александр Григорьевич Лукашенко, вынужден к 30-летию своей политической карьеры возрождать нормальную политическую систему в стране. Оказалось, что он «висит в воздухе», ему в политпространстве не на что опереться, как показал кризис после президентских выборов 2020 года. Да, административно-бюрократический аппарат в нынешней системе хоть в Белоруссии, хоть в России много значит, но только на него, как мы увидели на примере мятежа Пригожина, опереться в кризис очень трудно. Он тут же разбегается или пребывает в параличе при любом катаклизме.

Мы с вами забыли, что по всем опросам — от правительственного ВЦИОМа до нашего ЦИПКРа — в 2021 году существовало равновесие двух политических сил: «Единая Россия» и КПРФ. Конечно, и ДЭГ, и различные «надомнопеньковые» манипуляции, и электоральные султанаты позволили получить в Госдуме ныне имеющийся результат доминирования «Единой России».

Но в Кремле-то понимают, что тогда силы были равны, и продолжают делать выводы и действия по маргинализации оппозиции. Ковид и СВО здесь дали дополнительные инструменты в руки партии власти.

— Так ведь легче на выборах не станет. Вместо трехдневного

голосования, если надо, введут 30-дневное. ДЭГ, если потребуется, на всю страну распространят. И если будет необходимо, результаты перерисуют.

— Вы не учитываете одно важное последствие СВО. Такое же последствие несла пандемия ковида. С одной стороны, была атомизация — нас всех растаскивали, изолировали друг от друга. А с другой — пандемия привела к политизации, а эта политизация, в свою очередь, — к успеху КПрФ на выборах. Я считаю, что СВО также рано или поздно вызовет повышенную политизацию общества, и влияние партий будет очевидно.

Фото: Юрий Мартьянов / Коммерсантъ

— В России давно все сложно с обработкой социального запроса и с обратной связью. Есть запрос на качественное образование — мучают всех единым госэкзаменом и вводят разговоры о важном. Есть запрос на уверенность в завтрашнем дне в пандемию — вводят QR-коды и отстраняют

людей от работы. Появился у какой-то группы запрос на возвращение мобилизованных с фронта — логично, что надо усилить против недовольных репрессии. Что вы как депутат и исследователь можете сказать о сегодняшнем запросе избирателя?

— Люди всегда хотят одного. Базовые потребности никто не отменял — и, если власть не способна их удовлетворять, возникает дисфункция. По мелочам государство научилось реагировать — все эти Центры управления регионом, АНО «Диалог», мониторинг социальных сетей... Но ключевой запрос — на социальную справедливость — в обществе не удовлетворен. В этом главное недовольство. Отсюда и запрос на социализм.

По данным Института социологии, социализм в России как форму организации общества поддержали бы 48% процентов опрошенных — небывалая с 90-х годов доля. Другое дело, что граждане понимают под социальной справедливостью и социализмом? Для меня как для исследователя стало большой сложностью то, что на вопрос «есть ли в нашем обществе социальная справедливость», до СВО лишь 2% отвечали «полностью согласен», а после ее начала — 21%. Это не нарисованные цифры, это наше исследование ЦИПКР!

И я пытаюсь понять: а что же такого справедливого в повседневной жизни произошло с началом СВО? Возможно, как справедливость воспринимаются выплаты, сам геополитический разворот, смена риторики власти...

Впрочем, я смотрю в будущее оптимистично. СВО запустила в

экономике процессы, которые вскоре скажутся на политике. Прежде всего, мы говорим о запросе на справедливость в сфере социально-трудовых отношений. Ныне 40% конфликтов в обществе — именно социально-трудовые. Впрыскивание ресурсов в подъем ВПК, промышленности, сельское хозяйство порождает резкий спрос на квалифицированную рабочую силу. А квалифицированный работяга, особенно политизированный, страшен для власти, проводящей либеральный социально-экономический курс.

В свою очередь, запрос на порядок никуда не делся, но он на 2–3-м месте. А дальше идут цены, в отдельных регионах — транспортная доступность. В запросе общества содержится «вилка» для власти: народ требует раскулачить олигархов. А власть не хочет раскулачивать свою базу поддержки. Это одно из главных противоречий. При всей мимикрии под советские ценности.

Так что в политике у нас впереди очень много неожиданностей и крутых поворотов. Кто не участвует — пристегните ремни. Но лучше участвовать и быть со-творцом своего будущего и будущего своей страны.

* Внесены Минюстом РФ в реестр «иноагентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Путин: «планов взять Харьков нет», а для подписания «судьбоносных документов» о перемирии нужна «легитимность власти Киева»](#)

15:01, 17 мая 2024,

[На Дугина напала «украинская агентура»](#)

Скандал вокруг создания в РГГУ «Высшей политической школы Ивана Ильина» вышел на новый уровень. Мнения студентов, депутатов и администрации вуза

18:25, 18 апреля 2024, Макар Ситкин

[Правовое поле, на котором похоронили Конституцию](#)

Прогнозы не утешительны: скорее всего, то, что называется законами в России, будет окончательно избавлено от понятия «права человека»

10:16, 18 марта 2024, Борис Вишневский